

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кананерова Е.Н. Послевоенная коллективизация и «раскулачивание» в советской историографии 1940–1950-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72439 EDN: WELPLH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72439

Послевоенная коллективизация и «раскулачивание» в советской историографии 1940–1950-х гг.

Кананерова Елена Николаевна

ORCID: 0000-0002-6218-2618

кандидат исторических наук

доцент; кафедра истории и культурологии; Московский энергетический университет

119034, Россия, г. Москва, Красноказарменная, 17, оф. стр.1Г

✉ ekanunerova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историография и источниковедение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.6.72439

EDN:

WELPLH

Дата направления статьи в редакцию:

23-11-2024

Аннотация: В рамках проведенного автором исследования рассматривается развитие советской историографии послевоенной коллективизации и «раскулачивания» в западных районах и республиках Советского социалистического союза 1940–1950-х гг. Объектом представленного исследования стала эволюция советской исторической парадигмы в 1940–1950-х гг., предметом – историография послевоенной коллективизации и «раскулачивания» в западных областях и республиках СССР, вошедших в состав страны накануне и по итогам Великой Отечественной войны. Цель данного исследования заключается в тщательном анализе ключевых этапов и значимых факторов, оказавших влияние на советскую историографию проблемы коллективизации и «раскулачивания» в западных областях и республиках Советского Союза, а также изучении основной тематики исследований советских историков 1940–1950-х гг. Метод периодизации позволил структурировать исторические события и выделить ключевые моменты, определившие развитие послевоенной коллективизации. Системный сравнительный анализ помог проследить эволюцию проблематики советской

историографии послевоенной колLECTIVизации. Генетический подход позволил проследить влияние политических факторов и идеологических установок 1940–1950 гг. на развитие историографии. Контент-анализ позволил выявить основную проблематику. Новизна исследования состоит в рассмотрении советской исторической парадигмы с современных научных позиций, определении ключевых факторов и основных этапов в ее развитии на примере изучения послевоенной колLECTIVизации и «раскулачивания» в западных областях и республиках Советского союза. В исследовании была изучена основная проблематика советских авторов, объективные достижения, а также слабоизученные аспекты советской историографии послевоенной колLECTIVизации и «раскулачивания». Актуальность исследования связана с тем, что изучение и критическое осмысление советской историографии дает возможность использования наследия советских ученых для формирования современных объективных научных знаний в условиях сложившихся противоречий в мире в целом и на постсоветском пространстве, тенденциозного использования исторической науки, а также просвещения широкой общественности.

Ключевые слова:

советская историческая парадигма, факторы историографии, послевоенная колLECTIVизация, сплошная колLECTIVизация, аграрная реформа, предпосылки колLECTIVизации, машинно-тракторные станции, кулаки, раскулачивание, голод

Введение

В предыдущих статьях было рассмотрено развитие историографии послевоенной колLECTIVизации по каждому отдельному региону, вошедшему в состав СССР накануне ВОВ или после нее [1, с. 47; 2, с. 258; 3, с. 5; 4, с. 69]. В данном исследовании мы предприняли попытку обобщить и проанализировать развитие советской исторической мысли, посвященной послевоенной колLECTIVизации во всех западных областях и республиках.

Хронологическими рамками исследования стали 1940–1950-е гг., когда советская историческая парадигма окончательно сформировалась под влиянием изданного в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП (б)».

В период с 1939 по 1945 гг. к УССР, МССР и БССР были присоединены западные области, в состав СССР вошли прибалтийские республики, а также Северная часть Восточной Пруссии (Кёнигсбергская, а в последствии Калининградская область). На присоединенных территориях были образованы советские социалистические республики, новые области и районы и началось советское переустройство экономики, в том числе колхозное строительство [5, с. 28].

В годы Великой Отечественной войны экономика оккупированных западных областей и республик серьезно пострадала. Аграрные реформы и, в том числе, колхозное строительство были временно приостановлены. В середине 1940-х гг. были опубликованы документальные сборники, содержащие в основном сведения о преступлениях нацистов, [6, с. 123; 7, с. 321; 8, с. 72], а также обобщающие работы по экономике СССР в период ВОВ. Однако в указанных сборниках и обобщающих трудах содержатся и данные о нанесенном войной экономическом ущербе и начале послевоенного восстановления и перестройки сельского хозяйства в рамках советской

экономической модели [\[9, с. 143; 10, с. 16; 11, с. 128\]](#).

Развитие отечественной историографии послевоенной коллективизации в западных районах и республиках в рамках советской исторической парадигмы 1940–1950-х гг.

В рамках статьи мы рассмотрим первый этап изучения послевоенной коллективизации и раскулачивания в западных областях и республиках в советской историографии 1940–1950-х гг. Изучения данной проблемы в советской исторической науке в 1960–1980-е гг. будут предметом последующих статей.

Основными факторами развития советской исторической парадигмы были идеологический (марксистско-ленинская концепция и методологические принципы) и политический. Политический фактор в 1940–1950 гг. не однороден. С 1930-х гг. до 1953 г. основным ориентиром в развитии советской исторической науки были взгляды И. В. Сталина, а научная дискуссия прекратилась после публикации «Краткого курса» истории ВКП(б) (1938 г.), который определил направления развития и оценки советских историков [\[29, с. 34\]](#). Под влиянием работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.) коллективизация в целом рассматривалась советскими историками как единственный возможный и прогрессивный путь развития сельского хозяйства в стране. Эти оценки автоматически переносились исследователями 1940–1950-х гг. и на послевоенную коллективизацию [\[13, с. 12; 14, с. 131; 15, с. 41\]](#).

Первое послевоенное десятилетие (1940–1950) стало начальным этапом изучения коллективизации областях и республиках, вошедших в состав СССР накануне ВОВ и по ее итогам. Отметим, что историки 1940–1950-х гг., писавшие о послевоенной коллективизации и раскулачивании были их современниками. Послевоенная коллективизация завершилась лишь в начале 1950-х гг., в связи с чем при исследовании мы намеренно избегали работ, носивших откровенно агитационно-пропагандистский характер. Исследование раннего этапа позволит проследить эволюцию историографии послевоенной коллективизации на протяжении всего советского периода.

Изучая историографию 1940–1950-х гг. мы стремились выяснить, как развитие советской исторической парадигмы в целом повлияло на изучение послевоенной коллективизации.

Историки 1940-х гг. уделяют внимание отдельным аспектам послевоенной коллективизации, в частности аграрной реформе 1940–1941 гг.

Большая часть советских исследований рассматриваемых в статье относится к 1950-м гг. Смерть И. В. Сталина в 1953 г., XX съезд 1954 г. и начавшаяся «десталинизация» не привели к снятию партийного контроля над развитием советской исторической науки. Тем не менее, новые условия стимулировали изучение послевоенной коллективизации на местах, чему способствовало расширение доступа историков к архивам, публикация документов партии и правительства.

Для изучения послевоенной коллективизации и «раскулачивания» советские историки изучали документы из архивных фондов министерств животноводства, плодоовошного хозяйства, заготовок, и др., а также республиканских, государственных и партийных архивов. Историки также ссылаются в своих работах на материалы центральных архивов (ЦПА ИМЭЛ, ЦГИАМ, ЦГАНХ, архив Наркомата земледелия СССР (с 1946 г. министерство сельского хозяйства). Историки данного периода ввели в научный оборот значительное

число официальных документов, посвященных послевоенной колLECTIVизации, опубликовав сборники архивных документов.

В 1950-е гг. изучение послевоенной колLECTIVизации происходило под влиянием интенсивной работы по исследованию довоенной колLECTIVизации. Значительное число работ посвящено кооперации в сельском хозяйстве западных областей и республик, как основы для перехода к колLECTIVизации; развитию материально-технической базы колхозов; созданию квалифицированных кадров. В советских исследованиях 1940-начала 1950-х гг. декларировался сталинский тезис об обострении классовой борьбы при социализме в контексте колхозного строительства. Во второй половине 1950-х гг. республиканские историки выделяют различные формы сопротивления колхозному строительству, что является важным достижением.

В конце 1950-х гг. на смену отдельным статьям и диссертациям приходят тематические сборники научных трудов и материалы конференций. Появляются немногочисленные монографии, в том числе и коллективные, посвященные послевоенному восстановлению народного хозяйства западных областей и республик. Отметим, что проблема послевоенной колLECTIVизации в Калининградской области РСФСР рассматривается советскими исследователями 1940-1950-х гг. лишь в обобщающих трудах.

Цель и этапы аграрных преобразований в историографии 1940–1950-х гг.

Авторы довоенных работ впервые характеризуют основные положения земельной реформы 1940–1941 гг., предшествующей колLECTIVизации [12, с. 65; 17, с. 48; 18, с. 54]. В послевоенных работах были определены этапы колLECTIVизации: подготовительный (аграрные реформы 1940–1941 гг.), послевоенное восстановление (1944–1948), сплошная колLECTIVизация (1949–1950) [20, с. 79; 21, с. 12; 22, с. 34].

Аграрные реформы 1940–1941 гг. в западных республиках, по мнению авторов рассматриваемого периода проводились для «ликвидации буржуазного землевладения и коренного преобразования земельных отношений» [15, с. 29; 21, с. 54] и «приведения мелкотоварного сельского хозяйства в соответствие с крупным промышленным производством» [28, с. 102]. Кроме того, советские историки, отмечают наличие многоукладности экономики в западных областях и республиках, препятствовавшей колLECTIVизации. Многие авторы отмечают, что аграрные реформы были инструментом ликвидации многоукладности, которая была переходной и не соответствовала социалистической экономике СССР [16, с. 19; 24, с. 100; 25, с. 284]. В. Ю. Нюнка отмечает переходный характер экономики Латвийской советской социалистической республики, сочетавшей в себе элементы социализма и капитализма [19, с. 536].

В 1950-е гг. публикуются первые обобщающие труды по истории западных областей и республик, в которых историки сосредотачивают внимание на последствиях ВОВ. Сведения о послевоенной колLECTIVизации носят фрагментарный и иллюстративный характер и рассматривают ее как часть естественного и закономерного «процесса послевоенного восстановления народного хозяйства» [5, с. 276] и вхождения хозяйства присоединенных территорий в сформировавшуюся в СССР до ВОВ, социалистическую экономику, которая подразумевала ликвидацию многообразия форм земельных отношений [5, с. 276; 8, с. 45; 9, с. 43; 10, с. 281; 16, с. 34; 18, с. 17; 23, с. 286].

На территории Калининградской области до Великой Отечественной войны существовали только мелкие крестьянские хозяйства, что осложняло, по мнению советских

исследователей, проведение коллективизации [9, с. 75; 20, с. 62].

Предпосылки послевоенной коллективизации и роль государства в историографии 1940–1950-х гг.

Советские исследователи пишут, что в условиях многоукладности экономики западных районов и республик государство и помочь союзного центра играли центральную роль при проведении коллективизации. [20, с. 81; 24, с. 96; 26, с. 458]. В работах конца 1940–1950 гг. названы методы подготовки условий для проведения послевоенной коллективизации. Одним из них стала агитация, проводимая теми, кто в годы войны был эвакуирован в тыл, где колхозы существовали с конца 1920-х гг., а также направленные в освобожденные регионы специалисты [25, с. 361]. Ю. Арутюнян и М. Вылцан отмечают, что «с 1944 по 1951 гг. сюда (в западные районы Украины) было направлено на постоянную работу 19 тысяч специалистов сельского хозяйства, почти 44 тысяч учителей» [22, с. 165]. В обобщающих трудах, посвященных развитию сельского хозяйства в годы первой послевоенной пятилетки, советские исследователи отмечают, что в Калининградской области строительству колхозов предшествовало создание подсобных хозяйств при военных частях и последующее массовое переселение колхозников с территории РСФСР и БССР [20, с. 42]. Историки 1950-х гг. не приводят точной численности переселенцев, но подчеркивают, что с собой они перевозили сельскохозяйственный инвентарь, домашнюю птицу и скот, а также фураж. Советские авторы пишут, что переселенческие семьи, не имевшие коров, согласно предписанию союзных властей, могли получить коров до переезда или получить ссуду на приобретение животных на месте [10, с. 81].

Возрождение колхозов, созданных в 1939–1940 гг., началось на освобожденных территориях еще до окончания ВОВ. Советские историки отмечают, что до войны было создано лишь незначительное число колхозов, не называя их точного количества [19, с. 19; 26, с. 22].

Помимо агитации и пропаганды Ю. Арутюнян и М. Вылцан, Ф. Ю. Деглав, М. А. Грекорускас, авторские коллективы «Истории Латвийской ССР», «Очерков развития народного хозяйства Украинской ССР» и «Истории Молдавской ССР» называют в качестве предпосылок послевоенной коллективизации национализацию земли и аграрную реформу. Кроме того, значительную роль играло введение дифференцированного налога для различных категорий крестьян. Помимо налоговых послаблений бедняки и середняки западных областей и республик могли рассчитывать на льготный кредит. В то же время кулацкие хозяйства должны были выплачивать повышенный налог. Накануне сплошной послевоенной коллективизации в 1948 г. размер налога для кулаков был повышен на 50–100 % от налога бедняцких и середняцких хозяйств [22, с. 95; 24, с. 22; 18, с. 75; 23, с. 76; 27, с. 215; 25, с. 141]. В Калининградской области переселенцы вне зависимости от уровня благосостояния освобождались от уплаты налога [33, с. 103].

В западных областях и республиках партийные органы принимали решения о стимуляции крестьянской кооперации, чтобы крестьяне могли сами убедиться в преимуществах коллективного хозяйства [13, с. 412; 23, с. 95; 29, с. 46; 28, с. 126]. Так в частности, к 1947–1948 гг. до 70 % крестьянских хозяйств были охвачены кооперацией [29, с. 281].

Коллективизация конца 1920–начала 1930-х гг. не могла бы состояться без

индустриализации, то есть поставок в деревню сельхозтехники. Послевоенная коллективизация шла параллельно с послевоенным восстановлением промышленности. Но зачастую создание и развитие МТС в Прибалтике, Молдавской ССР, западных районах УССР и БССР осуществлялись за счет переброски туда тракторов и сельскохозяйственных машин с территории старших советских республик [24, с. 274; 31, с. 13]. Историки отмечают, что за счет таких мер, тракторная мощность МТС выросла в четыре раза в Латвийской ССР за 1946–1950 гг., а в Украинской ССР за 1948–1950 гг. [29, с. 343]. В Калининградской области с 1946 по 1950 гг. государство передало МТС 1278 тракторов, в связи с чем уровень механизации в области был выше, чем в остальных районах СССР [22, с. 251].

Сплошная коллективизация и ее темпы в западных районах и республиках в историографии 1940–1950 гг.

Историки 1940–1950-х гг. сходятся во мнении, что сплошная коллективизация в западных областях и республиках началась в 1949 г. в соответствии с постановлением правительства о переходе к форсированному этапу построения колхозной системы [31, с. 342; 32, с. 76].

В статьях и монографиях конца 1940–1950-х гг. 1949 г. указан в качестве начала сплошной коллективизации на территории прибалтийских республик, правобережных районах МССР, западных районах УССР и БССР, а также Калининградской области РСФСР. По данным, приведенным теми же авторами, мероприятия по сплошной коллективизации были завершены в этих регионах в январе 1951 г.

Советские исследователи отмечали, что к концу 1949 г. в Латвийской советской социалистической республике наблюдалась высокие темпы коллективизации, в результате которых 93% крестьянских хозяйств стали частью колхозов. К началу июля 1950 г. аналогичная тенденция наблюдалась в Эстонской ССР и западных районах УССР, где уровень коллективизации превысил 95%. По состоянию на начало 1951 г. в правобережных районах Молдавской советской социалистической республики уровень коллективизации крестьянских хозяйств составил 92,7% [23, с. 20; 25, с. 536; 30, с. 401]. В обобщающих работах по истории союзного сельского хозяйства приводятся следующие данные о темпах коллективизации в Калининградской области РСФСР. В 1946 г. в Калининградской области было 30 колхозов, к середине 1947 г. – 312, к середине 1950 г. – 472 [9, с. 175].

Высокие темпы послевоенной коллективизации в западных областях и республиках, на наш взгляд объясняется не добровольностью вхождения крестьян в колхозы, а опытом довоенной коллективизации, значительной финансовой и технологической помощью союзного центра, а также опытом проведения довоенной коллективизации в некоторых из них. Прежде всего, мы имеем ввиду УССР и МССР, а в республиках Прибалтики до Великой Отечественной войны была проведена аграрная реформа.

Особенности послевоенной коллективизации в историографии 1940–1950-х гг.

Несмотря на значительное сходство послевоенной и довоенной коллективизации, историки 1940–1950-х гг., выделяют специфику послевоенной коллективизации.

По мнению советских исследователей 1940–1950-х гг. общей для всех западных областей и республик в ходе послевоенной коллективизации была возможность получать техническую помощь от старших советских республик. Кроме того в эти регионы были

направлены технические специалисты, вернулись те, кто был эвакуирован в годы войны и ознакомился с колхозным строем, пропагандируя его преимущества [21, с. 60; 23, с. 98; 25, с. 295; 26, с. 26; 28, с. 287]. Так в восточных районах УССР, БССР и МССР колхозы были созданы во время коллективизации 1920-1930-х гг., а партийные кадры имели значительный опыт для проведения сплошной коллективизации. Все это стало основой для послевоенной коллективизации в присоединенных областях [24, с. 276; 33, с. 81; 37, с. 324]. Советские исследователи отмечают, в Калининградской области РСФСР сельскохозяйственная техника до начала сплошной коллективизации передавалась колхозам частями советской армии, либо была собрана на оставленных немецких хуторах и в поместьях [22, с. 51].

Авторы работ о коллективизации в Прибалтийских республиках связывают сложности при проведении коллективизации в Прибалтийских республиках после ВОВ с тем, что в силу низкого плодородия почв здесь не развивалось пашенное земледелие, а, значит, не сложилось и общинного землепользования. Земля находилась в частной собственности на условиях подворного землевладения. Хутора строились на значительном расстоянии друг от друга без общих хозяйственных построек для скота. Ю. Палецкис, М. А. Грегораускас, В. Г. Матин, Ф. Ю. Деглав подчеркивают, что хоторская организация сельского хозяйства, отсутствие построек для скота, который должен был стать колхозным стадом, были помехой для проведения коллективизации [16, с. 82; 18, с. 73; 21, с. 97; 24, с. 23].

Советские исследователи указывают специфические проблемы при проведении коллективизации в Калининградской области. В годы Великой Отечественной войны в области была практически разрушена мелиоративная система, большая часть племенного скота и местного посевного материала была уничтожена в ходе боев осени 1944-весны 1945-го гг., что затрудняло послевоенное восстановление сельского хозяйства и организации колхозов [33, с. 127].

Принцип добровольности коллективизации и «раскулачивание» в историографии 1940-1950-х гг.

Историки 1940-1950-х гг. подчеркивают, в соответствии с советской исторической парадигмой, добровольность послевоенной коллективизации при высокой активности крестьян [19, с. 128; 24, с. 315; 30, с. 312; 31, с. 4]. Однако статистические данные в работах историков 1940-1950-х гг. противоречат этому тезису. В исследовании Г. А. Барадача и опубликованном Постановлении республиканского съезда потребительской кооперации БССР, приведены следующие сведения. В начале 1948 г., до начала сплошной коллективизации, в колхозах состояли 9,6 % крестьянских хозяйств западных районов БССР. Эти хозяйства, безусловно, вошли в колхозы добровольно. Однако и с началом сплошной коллективизации не удалось оперативно достичь высоких темпов. К 1 января 1949 г. в колхозы были объединены 49 % крестьян. Сплошная коллективизация была завершена в западных районах БССР к 1 июля 1950 г., когда в колхозы вошли 92,7% крестьян [26, с. 5].

Общим для всех изученных работ является следующий тезис: целью политики «раскулачивания» было ограничение экономического влияния кулаков. Данная оценка несет на себе отпечаток официальной идеологии, утверждавшей, что в ходе социалистических преобразований усиливается классовая борьба, в нашем случае кулацкое сопротивление коллективизации [15, с. 43; 28, с. 235].

Как и в случае с довоенной коллективизацией советские историки не указывают точного числа кулаков, однако мы можем соотнести приведенные в статьях и монографиях статистические данные с классическими ленинскими критериями кулацкого хозяйства.

В. И. Ленин относил к кулацким хозяйства с 4 и более лошадьми, владевших не менее чем 25 десятинами (27,3 га) и использующих наемных работников (кроме сезонных). Подчеркнем важный момент, надел в 16-18 десятин (17,5–19,6 га) составлял, по мнению В. И. Ленина, необходимый минимум для обеспечения потребностей одной крестьянской семьи [31, с. 39].

В статьях, монографиях и обобщающих трудах 1940–1950-х гг. не содержится четких критериев, на которые власти опирались при определении статуса хозяйств как кулацких.

Согласно данным историков рассматриваемого периода к кулацким относили хозяйства, имевшие в своем распоряжении от 13,8 десятин в Литве до 20 га (18,3 десятины) [20, с. 77; 28, с. 79; 30, с. 387]. Что касается тягловой силы, которой владели такие хозяйства, то количество лошадей составляло от 1,1 до 3 голов. [15, с. 49; 20, с. 76; 33, с. 365].

Проблему «раскулачивания» рассматривают в своих работах лишь отдельные историки. Главной темой советских исследователей в этом контексте стали методы сопротивления объединению в колхозы, называя среди них порчу сельскохозяйственной техники и инвентаря, срывы сельхоззаготовок и сокрытие зерна. Особо злостным, по мнению советских историков, рассматриваемого периода, был саботаж колхозных работ. Многие действия рассматривались властями как диверсии. Кроме того, авторы упоминают убийства и насилие в отношении руководителей колхозов [18, с. 75; 28, с. 265].

Однако, данных о категориях и численности «раскулаченных», о мерах, принимаемых в отношении них (расстрел, высылка, переселение в пределах республики) сведений нет.

Отметим, что советские историки рассматриваемого периода не разделяют кулацкое и в целом крестьянское сопротивление и коллаборационистское движение в бывших оккупированных территориях, рассматривая их как единый процесс [33, с. 265].

Кроме того, советские историки 1940–1950-х гг. отождествляют борьбу кулаков, коллаборационистов и националистов, которые, на наш взгляд, следует разделить для объективного исследования [25, с. 417; 33, с. 197].

Итоги коллективизации в историографии 1940–1950-х гг.

Советские историки 1940–1950-х гг. считают послевоенное социалистическое преобразование сельского хозяйства в западных областях и республиках естественным и единственным возможным процессом ликвидации многоукладности и буржуазных отношений в сельском хозяйстве во вновь присоединенных регионах и создания коллективных сельских хозяйств под руководством государства и партии. Большинство авторов статей о коллективизации в отдельных республиках и областях, а также обобщающих работ о развитии сельского хозяйства после ВОВ сосредотачивают свое внимание на успехах ускоренного колхозного строительства. Важнейшим достижением, по мнению В. Г. Матин, В. Ю. Нюнка, Я. Крастыньколлективы авторов «Народное хозяйство БССР» и «История Молдавской ССР» и др., называют ускоренное послевоенное восстановление сельского хозяйства [21, с. 98; 17, с. 129; 15, с. 48; 11, с. 203; 25, с. 321].

При этом в отдельных работах советских историков 1940–1950-х гг. появляется тема голода 1946 г. Однако, голод не связывают с коллективизацией, называя основной причиной голода неурожай. Значительно подробнее авторы обобщающих трудов по истории Латвийской, Украинской ССР останавливаются на теме помощи, оказываемой руководством СССР жителям западных районов и республик, пострадавших от голода 1946 г. [23, с. 371; 27, с. 328]. Советские исследователи отмечают, что в Калининградской области РСФСР факторами голода стали также уничтожение во время ВОВ племенного скота и местного семенного фонда, а также разрушение немецкой мелиоративной системы, в результате чего значительная часть сельскохозяйственных земель оказалась затоплена [9, с. 254].

Неизученные и малоизученные темы в историографии 1940–1950-х гг.

В исследованиях 1940–1950-х гг. есть значительное число неизученных аспектов коллективизации.

Советские историки подчеркивают добровольный характер коллективизации, а нарушения при сплошной коллективизации считают единичными [10, с. 264; 37, с. 104]. Основными факторами формирования таких оценок являются идеологические ограничения, а также ограниченный круг статистических данных, доступных для изучения в рассматриваемый период. В 1960-1980 гг. проблематика советских исследований расширяется благодаря введению в научный оборот широкого круга документов партии и правительства.

Кроме того, в 1940–1950-е гг. не изученными оставались вопросы объективных причин трудностей послевоенной коллективизации, цели укрупнения колхозов. Авторы этого времени либо ограничиваются констатацией факта этих процессов, либо шаблонным перенесением оценок коллективизации в СССР 1920–1930 гг. [30, с. 276; 31, с. 239; 37, с. 310].

Историография проблем целей и предпосылок послевоенной коллективизации рассматриваются в 1940–1950-е гг. в рамках советской исторической парадигмы в условиях ограниченной источниковой базы. Необходимо проследить эволюцию малоизученной и неизученной в историографии 1940–1950-х гг. проблематики.

Выводы

Изучив развитие советской историографии послевоенной коллективизации в 1940–1950-х гг., мы пришли к следующим выводам.

Начало первого периода советской историографии послевоенной коллективизации и «раскулачивания» приходится на время, когда изучаемые процессы еще не завершились. Однако изучение самых первых работ способствует исследованию развития советской исторической парадигмы в целом, эволюции тематики и оценок советских историков.

Среди основных факторов развития отечественной историографии 1940–1950-х гг. послевоенной коллективизации следует назвать идеологический (марксистско-ленинская методология) и политический. Однако изученный нами период не равномерен с точки зрения политического фактора. До 1953 г. историография послевоенной коллективизации находилась под влиянием взглядов И. В. Сталина и рассматривали лишь отдельные аспекты послевоенной коллективизации. XX съезд и начало

«десталинизации» открыли советским историкам доступ к более широкому кругу документов и стимулировали развитие региональных исследований в области послевоенной коллективизации.

Все авторы 1940–1950 гг. согласно идеологическим установкам рассматривают коллективизацию как единственный возможный и прогрессивный путь развития сельского хозяйства в стране. Наибольшее число работ историков 1940–1950-х гг. посвящено вопросам целей, предпосылок и методов коллективизации. «Десталинизация» сделала для советских историков возможным начать изучать проблему «раскулачивания», в частности методы сопротивления колхозному строительству.

Советская историография с ее объективными достижениями, но идеологизированными выводами требует критического осмысления. Кроме того, историки 1940–1950-х гг. проанализировали и ввели в научный оборот значительный массив официальных документов государства и партийного руководства.

На примере исследования коллективизации и «раскулачивания» конца 1920–начала 1930-х гг., очевидно, что основные документы оседали в архивах чрезвычайных органов, принимавших непосредственное участие в «раскулачивании». Также отметим, что в статьях и монографиях 1940–1950-х гг. недостаточно ссылок на данные статистики. Среди опубликованных трудов мы практически не встречаем сборников статистических данных. Однако те статистические данные, которые приводят некоторые авторы, расходятся с идеологическими оценками. В частности, во всех работах советские историки пишут о том, что коллективизация носила добровольный характер. Но данные о темпах коллективизации в западных областях и республиках показывают, что до начала сплошной коллективизации, то есть добровольно в колхозы объединились не более 10% крестьянских хозяйств.

Тем не менее, к достижениям советской историографии можно отнести подробное изучение нетабуированных идеологией тем: предпосылки, хронологические рамки и этапы аграрных преобразований и коллективизации, темпы проведения коллективизации, особую роль государства при проведении аграрных реформ, коллективизации и последовавшего за ней голода 1946 г.

Отметим незначительное число работ советских историков 1940–1950-х гг. посвященных отдельным аспектам коллективизации в Калининградской области, рассмотренным в контексте проблемы развития сельского хозяйства РСФСР в годы первой послевоенной пятилетки. Тем не менее, советские исследователи рассматриваемого периода, указывают особенности коллективизации в области (роль военных в развитии сельского хозяйства, переселение колхозников, использование трофейной техники, уничтожение племенного скота и местного семенного фонда).

Недостаточно изученными являются проблемы нарушений при проведении коллективизации, количество и категории «раскулаченных», применяемые к ним меры (расстрел, высылка, переселение) в силу политических и идеологических факторов, а также ограниченного круга документов, к которому историки 1940–1950-х гг. имели доступ.

В советской исторической науке 1940–1950-х годов вопрос сопротивления созданию колхозов рассматривался в связке с темой коллаборационистского движения. Исследования, проведенные в 1990–2000 гг., анализировавшие документы рассекреченных архивов чрезвычайных органов, показали, что крестьянское сопротивление при вступлении в колхозы не было связано с политическим или

идеологическим конфликтом с советской властью. Оно основывалось на экономических мотивах крестьян. Однако в 1940–1950-е гг. доступа к документам этого ведомства историки не имели.

Библиография

1. Кананерова Е. Н. Проблема коллективизации западных районов Украины в советской историографии // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 4. С. 44–53.
2. Кананерова Е. Н. Проблема коллективизации в прибалтийских республиках в советской историографии 1940–1960-х гг. // Научный диалог. 2019. № 4. С. 256–271.
3. Кананерова Е. Н. Проблема коллективизации в западных районах БССР в советской историографии// Человек и культура. 2021. № 1. С. 1–15.
4. Кананерова Е. Н. Проблема коллективизации в Правобережной Молдавии в советской историографии // Человек и культура. 2021. № 3. С. 69–84.
5. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947.
6. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. Минск, 1947.
7. Нюрнбергский процесс. Т. 2. М., 1958.
8. Материалы республиканского партийного совещания по вопросам восстановления посевных площадей и урожайности в колхозах БССР. Минск, 1947.
9. Анисимов Н. И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М., 1952.
10. Неделин С. Социалистическое сельское хозяйство и пути его дальнейшего развития. М., 1951.
11. Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет. Минск, 1958.
12. Трайнин И. Конституции прибалтийских республик// Большевик. М., 1940. № 22. С. 113–126.
13. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. документы и материалы в 4-х томах./ Под ред. А. Береловича, Н. Верта, В. Данилова. Т. 1. – М., 1998.
14. Кананерова Е. Н. Проблема коллективизации и раскулачивания в Отечественной историографии 1990–2000 гг.// Вестник Екатерининского института. 2018. № 1 (41). С. 128–139.
15. Крастынь Я. Некоторые итоги земельной реформы в Прибалтике // Социалистическое сельское хозяйство. 1941. № 1. С. 41–52.
16. Палецкис Ю. Советская Литва. – Москва, 1949.
17. Нюнка В. Ю. Борьба Коммунистической партии Литвы за укрепление союза рабочего класса с крестьянством переходный период от капитализма к социализму// Коммунист. 1955. № 3. С. 127–131.
18. Грегораускас М. А. История и особенности социалистического преобразования сельского хозяйства Литовской ССР// К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики. Таллин, 1956. С. 71–84.
19. Наукові зап. Ужгород. Гос. ун-та, 1959. Т. 29.
20. Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет. – Минск, 1958. – 354 с.
21. Матин В. Г. Об особенностях коллективизации сельского хозяйства в Эстонской ССР // К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики. Таллин, 1956. С. 92–104.
22. Арутюнян Ю., Вылцан М. Историческая роль МТС и их реорганизация.- М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958.
23. История Латвийской ССР. Рига, 1955.
24. Деглав Ф. Ю. Основные черты и особенности переходного периода от капитализма к социализму в Латвийской ССР // К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики.

- Таллин, 1956. С. 18–29.
25. История Молдавской ССР. Т. 2: (От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней) / Под ред. канд. ист. наук С.П. Трапезникова (отв. ред.) и канд. ист. наук Н. А. Мохова. – М., 1955.
26. Народное хозяйство Белорусской ССР. М., 1957.
27. Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР. М., 1954.
28. Барадач Г. А. Коммунисты Белоруссии в борьбе за социалистическое переустройство сельского хозяйства западных областей СССР (1939–1950 гг.) Автореф.канд. дис. М., 1953.
29. Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.). – Орск, 2010.
30. Залесский А. И. Из истории колхозов в партизанских районах Белоруссии // История СССР. 1958. № 4. С. 78–97.
31. Ленин В. И. Развитие капитализма в России// Полное собрание сочинений. Том 3. М., 1971. URL: <https://www.litres.ru/book/vladimir-lenin/polnoe-sobranie-sochineniy-tom-3-razvitiye-kapitalizma-v-ros-17083500/chitat-onlayn>
32. Шубин Г. А. Из истории подпольных организаций западных областей Белоруссии в период Великой отечественной войны Советского союза (1943–1944). – «Труды Стalingradского сельскохозяйственного института». Т.VII, Вып. I-II. Стalingрад, 1959.
33. Социалистическое сельское хозяйство. М., 1950.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья "Послевоенная коллективизация и «раскулачивания» в историографии 1940–1950-х гг." (ошибка - раскулачиваниЕ, так же предпочтительно уточнить заголовок - "в советской историографии 1940-1950-х гг.) представляют собой попытку историографического анализа корпуса текстов советских исследователей, тематически относящихся к послевоенной (т.е. после 1945 г.) коллективизации в западных регионах СССР (Литве, Латвии, Эстонии, западных областях Украины, Белоруссии, Молдавии). Несколько непонятно отсутствие в этом перечне Калининградской области, где совершенно очевидно коллективизация также проводилась. Автор справедливо указывает, что " первое послевоенное десятилетие (1940–1950) стало начальным этапом изучения коллективизации областях и республиках, вошедших в состав СССР накануне ВОВ и по ее итогам". Более того, представляется необходимым указать как на специфику затрагиваемого периода, что для советских авторов второй половины 1940-ых гг. коллективизация и раскулачивание - это вообще не история, а современность, это процессы, свидетелями которых они являлись; процессы, которые во второй половине 1940-ых г. еще не получили завершения. Возможно авторам следует принять какую-то минимальную временную дистанцию, по прошествии которой мы можем оценивать рассматриваемые работы как исторические применительно к объекту - т.е. к процессам раскулачивания и коллективизации. Автор резонно замечает, что "историческая парадигма с 1938 г. существовала в рамках идеологических ограничений, вследствие чего историки 1940–1950-х гг. единодушны в оценке послевоенной коллективизации, считая ее прогрессивной". Оставляя в стороне вопрос о датировке идейных ограничений 1938 г (т.е. в 1936-1937 гг. ограничений не было?), отметим что минимальная временная дистанция относительно анализируемых процессов и идейные ограничения

автоматически делают значительную часть текстов этого периода пропагандистско-агитационными и псевдонаучными. Далее, выбранный авторами период неоднороден: в 1953 г. умирает Сталин, начинается десталинизация, затронувшая в том числе и историческую науку. Представляется логичным внутреннее подразделение выбранного периода на "до и после" смерти Сталина или по крайней мере не помешала бы попытка сравнительного анализа публикаций до и после 1953 г., т.е. необходимо расширить и углубить раздел "Этапы развития отечественной историографии послевоенной коллективизации в западных районах и республиках в рамках советской исторической парадигмы" (в его нынешнем виде он сводит генезис советской историографии в рамках данного периода к переходу от отдельных статей к сборникам и монографиям) Проанализировав послевоенную историографию, автор выделяет семь тематических разделов: цели и этапы, предпосылки, сплошная коллективизация, особенности, принцип добровольности, итоги, малоизученные темы. К последним автор относится сопротивление колхозному движению, объективные трудности процесса; ставится проблема переоценки связей сопротивления колхозному движению и национализма/коллаборационизма. В целом автор справляется с поставленными задачами, при исправлении указанных недочетов статья может быть опубликована.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

С момента распада Советского Союза, ставшего по словам Президента Российской Федерации В.В. Путина крупнейшей геополитической катастрофой XX в., прошло уже не одно десятилетие. Многие эпизоды советской истории, бывшие предметом оживленных споров как специалистов, так и широкого круга публицистов, сегодня понемногу утихли, но несмотря на это по-прежнему находятся в центре внимания профессионального сообщества. Среди этих эпизодов важную роль играли и играют вопросы советизации тех западных территорий, которые вошли в состав Советского Союза в период с 1929 по 1945 г.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является послевоенная коллективизация и «раскулачивание» в советской историографии 1940–1950-х гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть развитие отечественной историографии послевоенной коллективизации в западных районах и республиках в рамках советской исторической парадигмы 1940–1950-х гг., показать цели и этапы аграрных преобразований в историографии 1940–1950-х гг., определить итоги коллективизации в историографии 1940–1950-х гг.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится обобщить и проанализировать развитие советской исторической мысли, посвященной послевоенной коллективизации во всех западных областях и республиках СССР.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем на судебные отчеты и документы трибуналов, другие опубликованные материалы. Из используемых

исследований укажем на труды советских историков, а также работы Е.Н. Кананерова, в которых рассматриваются различные аспекты развития историографии послевоенной коллективизации по каждому отдельному региону, вошедшему в состав СССР накануне ВОВ или после нее. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как послевоенной коллективизацией и «раскулачиванием», в целом, так и ее оценкой в историографии, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор показывает, что «факторами развития советской исторической парадигмы были идеологический (марксистско-ленинская концепция и методологические принципы) и политический». Несмотря на это «к достижениям советской историографии можно отнести подробное изучение нетабуированных идеологией тем: предпосылки, хронологические рамки и этапы аграрных преобразований и коллективизации, темпы проведения коллективизации, особую роль государства при проведении аграрных реформ, коллективизации и последовавшего за ней голода 1946 г.» В то же время наименее изученными «являются проблемы нарушений при проведении коллективизации, количество и категории «раскулаченных», применяемые к ним меры (расстрел, высылка, переселение) в силу политических и идеологических факторов, а также ограниченного круга документов, к которому историки 1940–1950-х гг. имели доступ».

Главным выводом статьи является то, что «изучение самых первых работ способствует исследованию развития советской исторической парадигмы в целом, эволюции тематики и оценок советских историков».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».